

Проблеми теорії літератури і літературної критики

УДК 82.091

Марк Соколянський

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ СРОДСТВО (Опыт типологического подхода к изучению мирового литературного процесса)

В статье речь идет о некоторых типологических соответствиях в истории американской и русской литератур XIX–XX веков. Эти наблюдения дают дополнительное представление об общих особенностях и закономерностях литературного процесса в далеких и совсем разных странах.

Ключевые слова: литература, американская, русская, типология, параллель, история, общественный, соответствие, сатира, процесс.

У статті йдеться про деякі істотні типологічні сходження в історії американської та російської літератур XIX–XX століть. Ці спостереження дають додаткове уявлення про спільні риси та закономірності літературного процесу в далеких та зовсім різних країнах.

Ключові слова: література, американська, російська, типологія, параллель, історія, суспільний, відповідність, сатира, процес.

The article deals with several essential parallels in the development of American and Russian culture of the XIX–XX centuries. The typological approach helps to elucidate some common features in the history of various national literatures.

Key words: literature, american, rusian, typology, parallel, history, sozial, aqreement, satire, prozess.

Изучение русско-американских и американо-русских литературных отношений имеет не столь уж богатую историю. Можно вспомнить целый ряд трудов, посвящённых узким вопросам, вписывающимся в эту проблематику; затрагивается она и в трудах тех историков общественной мысли, которые писали о контактах в развитии социальных идей в обеих странах. Сопоставления же в области политической истории России и Америки начались довольно давно.

Одним из первых обратил внимание на схожесть исторических перспектив двух народов американский литератор Сент-

Джон (Жан) де Кревкёр. В опубликованных в 1782 г. «Письмах американского фермера» один из персонажей — русский путешественник (его имя-отчество обозначено криптонимом *Iw-n Al-z*) признаёт: «Я вижу в нынешних американцах зерно будущих наций, которые заполнят этот безграничный континент. В некоторых отношениях русских можно сравнить с вами. Мы тоже новый народ, я имею в виду **новизну знаний, искусства и совершенствования** [выд. мной. — М. С.]. Кто знает, какие перевороты смогут породить Россия и Америка; возможно, мы ближе друг другу, чем это представляется... [3, 262]. Интерес к духовной жизни России проявился и в другом сочинении этого просветителя — «Путешествие в северную Пенсильванию и штат Нью-Йорк» [4, 34–42; 310–322].

В середине XIX в. пророчество де Кревкёра получило своё развитие и некоторую конкретизацию в трудах двух видных мыслителей своего времени. Один из них — французский историк и политический деятель Алексис де Токвиль — в известной книге «Демократия в Америке» (1835 г.) утверждал: «В настоящее время есть две великие нации в мире, которые, похоже, движутся в одном направлении, хотя начинали с разных концов: я имею в виду русских и американцев. И те, и другие развивались незамеченными. Тогда как внимание человечества было направлено в другие стороны, они вдруг заняли самое значительное место среди народов, и мир узнал об их существовании и величии примерно в одно время...» [18, 430–431].

Другим мыслителем был А. И. Герцен, который в 1849 г. в своей статье «La Russie» высказал мысль об исторической общности России и Америки, а затем неоднократно повторял это. Так, в передовой статье «Колокола» от 1 декабря 1858 г., озаглавленной «Америка и Сибирь», он особенно подробно рассуждал об «избирательном сродстве» России с Североамериканскими Штатами (*словосочетание «избирательное сродство» является переводом названия романа Гете “Die Wahlverwandschaften” (1809)*), об их общности в разных сферах, включая — не в последнюю очередь — и передовую мысль, которая в обеих странах, по мнению автора «Былого и дум», работала в одном направлении [2, 398–403]. Три совершенно разных автора, независимо друг от

друга, подметили не только историческую или географическую, но и духовную общность, которую, разумеется, интересно проследить также на материале развития национальных литератур. Вполне очевидно, что в сложной истории искусства, отмеченной опосредствованными влияниями общественной эволюции, «избирательное сродство» отнюдь не всегда бросается в глаза. «Эволюция литературы, как и других культурных рядов, — по меткому суждению Ю. Н. Тынянова, — не совпадает ни по темпу, ни по характеру (ввиду специфичности материала, которым она орудует) с рядами, с которыми она соотнесена...» [6, 277]. Тем более целесообразным представляется типологическое изучение двух литератур в их историческом развитии.

Следует признать, что в силу ряда причин деятельный интерес к русско-американским литературным отношениям явно запаздывал. Он не мог реализоваться в тех спорадических обращениях к американской литературе в русской науке и ещё более редких *выходах* американской критики к русской словесности, которые имели место в XIX веке. С рубежа XIX—XX вв. и до Второй мировой войны протекал эмбриональный период отечественной американистики. Вспыхнувший было в 1944—45 гг. взаимный интерес литературоведов обеих стран к культуре союзников по антифашистской коалиции был сразу же после войны резко заторможен. В США разгул маккартизма не поспособствовал развитию славистики. В России в разгар холодной войны было, по сути, прекращено спокойное, хоть и зашоренное идеологическими штампами, развитие американистики.

Возродившись в 1960-е гг., она занялась прежде всего критическим освоением текущей литературы, а уж затем — историей американской словесности. В 1970—80-е гг. появились и отдельные работы, посвящённые контактным связям между двумя литературами [14]. Близкие культурные явления рассматривались лишь там, где были очевидны генетические связи. Между тем ещё со времён Александра Веселовского специалистов привлекала «возможность изучать сходные явления в нескольких параллельных рядах фактов...» [1, 39].

В сопоставлении двух выделенных национальных литератур компаративистика заметно отставала от развития научной мето-

дологии. В частности, долгое время недооценивались возможности типологического исследования эволюции американской и русской поэзии, прозы и драматургии в широком историко-культурном диапазоне; акцентированные на ранних этапах изучения различия заслоняли существенную общность. Даже если ограничиться материалом двух с небольшим столетий (литература самостоятельного американского государства и новая русская литература), то и здесь внимание специалистов могут привлечь отнюдь не единичные, а более общие, масштабные типологические схождения. Ограничусь выделением трёх блоков проблем.

Вполне очевиден комплекс вопросов, связанных с пониманием аналогичности прошедших в обеих странах в начале 1860-х гг. общественно-политических поворотов и их роли в развитии национальных литератур. Соединённые Штаты пережили в 1861–65 гг. Гражданскую войну, исход которой не только привёл к консолидации американского внутреннего рынка и созданию единой для всего государства политико-правовой системы, но также повлиял и на развитие американской культуры. То же можно сказать об отмене крепостного права в Российской империи, как бы не относиться к определению «великая реформа» — вполне уважительно или с изрядной долей иронии. «Освобождение крепостных крестьян может быть названо великой реформой, — уверенно пишет американский историк Николас Рязановский. — Его можно сравнить, например, с почти одновременным освобождением четырёх миллионов чернокожих рабов в Соединённых Штатах, достигнутым в результате тяжёлой Гражданской войны, а не путём мирного, правового процесса...» [17, 372–373].

И Гражданская война в Штатах, и реформа в России были в немалой степени подготовлены передовой общественной мыслью, едва ли не главной трибуной которой была художественная литература. В поговорку вошли слова Авраама Линкольна, произнесённые при встрече с автором «Хижины дяди Тома»: «Это та маленькая женщина, которая вызвала большую войну?» Помимо Бичер-Стоу, можно вспомнить и Джона Уиттера, и целый ряд писателей и публицистов 1840–50-х гг., занимавших откровенно аболиционистскую позицию [8, 563–583]. Об-

ратившись к предреформенной России, мы можем составить не менее представительный список произведений литературы, существенно повлиявших на подготовку общественного мнения и сыгравших свою роль в доказательстве необходимости освобождения крестьян. «Записки охотника» Тургенева, стихи Некрасова, повести Григоровича («Деревня», «Антон Горемыка»), и этот ряд можно долго продолжать. В книге П. А. Кропоткина «Идеалы и действительность в русской литературе» есть интересное замечание о Григоровиче: «...Этот полурусский [очевидно, имелось в виду то, что мать Григоровича была француженкой. — М. С.] был одним из тех, кто оказал России такую же услугу перед отменой крепостного права, как Гарриет Бичер-Стоу — Соединённым Штатам своим описанием страданий рабов-негров...» [7, 223–224].

Представляет несомненный интерес и изменение литературной ситуации в каждой из стран после происшедших в 1860-е гг. изменений. «Когда мы говорим о смене больших направлений и стилей, — замечает В. М. Жирмунский, — то подразумеваем изменение как общественной идеологии, так и средств её художественного воплощения...» [5, 70]. В американской литературе, знавшей до Гражданской войны, по меньшей мере, две волны расцвета романтического искусства, начинается процесс ускоренного становления и развития реализма европейского образца; в русской литературе 1860-е годы — период модификации реализма, время поисков принципиально новых путей творческого обновления реалистической прозы и драматургии.

Вопрос о воздействии политических перемен и поворота в общественно-политической истории на литературный процесс в обеих странах совсем не прост и не может быть освещён и оценён однолинейно. С одной стороны, нельзя не отметить, что послереформенные годы правления Александра II в России и период Реконструкции, а также рубеж 1870–80-х гг. в Соединённых Штатах отмечены очень богатой и насыщенной литературной жизнью. Помимо активизации литературной журналистики, можно вспомнить о важнейших свершениях в художественной литературе. В России тогда появляются такие шедевры, как «Отцы и дети» И. С. Тургенева, «Война и мир» и

«Анна Каренина» Л. Н. Толстого, «История одного города», «Современная идиллия» и «Господа Головлёвы» М. Е. Салтыкова-Щедрина, лучшие романы Ф. М. Достоевского и т. д. В Америке это время публикации произведений Уильяма Дина Хоуэллса, сборника стихов Уолта Уитмена «Листья травы», повести «Дейзи Миллер» и романа «Женский портрет» Генри Джеймса, ряда книг Марка Твена, время создания не ставших, к сожалению, известными современникам стихов Эмили Дикинсон...

Одним из главных изменений после Гражданской войны в Штатах и реформы в России стала не сразу и не всеми подмеченная трансформация общественного сознания — социально-психологическая трансформация человека. Американцу, и прежде всего южанину, предстояло осознать, что изменилось не только правосознание, но и статус всего государства и отдельного штата, в которых он существует [10, 21–29]. Понимание истинного смысла реформы 1861 г. и её последствий было твёрдым орешком для многих русских людей из самых разных слоёв общества (вспомнить хотя бы чеховского Фирса, определившего реформу — «волю» — как «несчастье»).

Да и помимо проблемы крепостничества, происходили в ту пору серьёзные изменения в сознании мыслящих людей в России. Думается, точнее многих современников ощутил эту проблему Тургенев. Можно, конечно, с аналитической бесстрастностью принимать барственно-категорическую набоковскую оценку: «Накануне», несмотря на добрые намерения, в художественном отношении наименее удавшийся Тургеневу роман...» [13, 66]. Но в аспекте начатого разговора как не восхититься общественной интуицией Тургенева: роман «Накануне» появился в 1860 г., то есть, **накануне** реформы, которую сегодня некоторые историки небезосновательно характеризуют как если не наиболее удачную, то хотя бы наименее неудачную из русских революций. К этому можно добавить, что роман «Отцы и дети», вскрывший, как никакое другое произведение того времени, происшедшую в России «трансформацию человека», увидел свет в 1862 г., то есть как раз через год после реформы.

Но была и оборотная сторона медали в литературной жизни России и Америки конца 60-х — начала 70-х гг. XIX века. Из

русских историков литературы, пожалуй, первым в XX в. отчётливо сказал об этой оборотной стороне Д. П. Святополк-Мирский, чья «История русской литературы» долгое время отсутствовала в российском научном обиходе, но была и остаётся широко популярной в англоязычном филологическом мире. «...Реформы произвели огромные перемены в русской жизни и открыли новые каналы для честолюбивых и энергичных людей, которые при прежнем режиме, возможно, вынуждены были обращаться к сочинению стихов или прозы...» [11,304]. Действительно, изменившаяся общественная ситуация привлекала многих молодых одарённых разночинцев в адвокатуру или науку, и — как следствие — прилив молодых сил в литературу, где тон задавали уже признанные мастера, заметно сократился.

В Америке изменение общественно-политической ситуации вызвало в чём-то схожие перемены. «Гражданская война, Реконструкция и экономический бум продемонстрировали, насколько незначительной стала роль поэта в Америке», — пишет об одной из граней этого процесса М. Паттерсон [16, 242]. Можно согласиться с обобщающим замечанием Д. Мирского: «Было бы ошибкой считать, что в условиях большей свободы литература и искусство непременно прогрессируют более, чем при деспотизме. Чаше наблюдается обратное...» [11, 304]. Подтверждения справедливости этого суждения можно отыскать и в истории американской литературы (в частности, времён Реконструкции), и в литературе России (включая и новейший этап её развития).

Неосуществлённость в более или менее полной мере идеалов и надежд, связывавшихся с событиями начала 1860-х гг., вызвали в обеих странах также реакцию совсем иного рода. Скажем хотя бы о значительном усилении сатирического начала в литературном творчестве. В русской литературе это заметно и в драматургии (А. Н. Островский, А. В. Сухово-Кобылин), и в прозе (М. Е. Салтыков-Щедрин), и даже в поэзии (А. К. Толстой, Н. А. Некрасов). В творчестве некоторых из названных писателей эволюция в сторону панорамно-сатирического воспроизведения российской действительности произошла

под явным воздействием социальных процессов. «В 60-х годах, — метко высказался о ведущем русском сатирике той поры Д. Н. Овсяннико-Куликовский, — в демократизме Салтыкова произошла перемена, совершенно аналогичная той, которую мы отметили в поэзии Некрасова. Народническая окраска пошла на убыль. Переход Салтыкова от прежней — народнической точки зрения к новой, которую можно назвать «рационально-демократической», отразился в «Сатирах в прозе», печатавшихся в «Современнике» с начала 60-х годов...» [15, 280–281].

Аналогичное усиление сатирического начала наблюдается и в американской литературе периода Реконструкции. Вспомнить хотя бы богатейшую фельетонистику западных штатов, её порождение — Марка Твена, даже «Словарь Сатаны» Амброза Бирса, изданный позднее, но создававшийся на протяжении ряда предшествовавших лет и др. В ту пору, когда самые крупные поэт и прозаик национальной литературы (Эмили Дикинсон и Генри Джеймс) стали — каждый по-своему — *эскапистами* (англ. *escape* — *побег, бегство*), резко дистанцировавшись от американской буржуазности, ставшее чрезвычайно популярным сатирическое отображение действительности достигло высочайшего уровня во «внутренней» литературе, обращённой к основной массе американских читателей. Пусть неровный в художественном отношении, но остро актуальный роман Марка Твена и Ч. Д. Уорнера «Позолоченный век» (“The Gilded Age. A Tale of To-day”) дал весьма точное определение своему времени.

В литературе этого периода в России нетрудно заметить, как происходит более резкое расслоение интеллектуальных и творческих сил. «Бороться за свободу народа от крепостного рабства можно было и под знаменем славянофильства, и под знаменем западничества; рука об руку шли в эту борьбу и Хомяков, и Белинский, и Аксаков, и Герцен... Но теперь, после 19 февраля [1861 г. — М. С.] неминуемо должна была произойти более резкая дифференциация в среде русской интеллигенции...» [6, 3]. Это наблюдение способно натолкнуть исследователей на другой блок проблем в аспекте избранной темы. Споры между сла-

вянофилами и западниками, а позднее — между почвенниками и западниками в России вызывают ассоциацию с аналогичными дискуссиями в Америке. Примерно в ту же пору, когда славянофильство оформлялось как идейное направление (и даже чуть раньше), в Штатах сложилась группа «Молодая Америка», ратовавшая за национальную самобытность американской литературы против адептов взгляда на свою культуру как подражательную и вторичную по отношению к европейской. После Гражданской войны объём и острота полемики возрастают. С одной стороны, консолидация Америки привела к росту сторонников патриотической концепции, с другой — по остроумному замечанию Дж. Мартина — когда уже все девственные земли были освоены в самой Америке, американцы в массовом порядке стали открывать для себя Европу [10, 21–29], оказываясь перед необходимостью выбора собственной позиции в упомянутой полемике.

Спор этот — явный или скрытый — так или иначе давал себя знать в американской литературе, например, в «Простаках за границей» Марка Твена, в ряде книг Хоуэллса и Генри Джеймса. Хотя столкновения столь разных взглядов — своеобразно понимаемого патриотизма и равнения на Европу — имели место около полутора веков тому назад, они становились предметом дискуссий и оселком литературных мнений в обеих странах и позднее — в XX веке: в Америке с особой силой на рубеже 1920–30-х гг., и в России — во времена *стагнации, перестройки* и вплоть до настоящего времени, когда всё более громко, а то и агрессивно заявляет о себе т.н. национально-патриотическая идеология [12, 302–313]. Современная модификация полемики между двумя традиционными, но видоизменяющимися направлениями художественной мысли в обеих странах представляет особый комплекс проблем, заслуживающих внимания историков литературы.

Конечно, следует различать патриотизм идеологический и, фигурально выражаясь, бытовой. Над бытовым патриотизмом малообразованных американцев посмеялся ещё Чарльз Диккенс в «Американских заметках» и «Мартине Чезлвите». Да и нынешние формы такого явления становятся нередко поводом

для фельетонного юмора. Казусы российского *квасного* патриотизма тоже были не раз под прицелом сатириков на протяжении последних полутора веков. Подлинный же патриотизм в литературах обеих стран проявлялся зачастую в виде сильной критико-обличительной тенденции.

Так, в России после проигранной Крымской войны появилась «обличительная литература», резко критиковавшая пороки администрации; в творчестве Салтыкова-Щедрина эта тенденция обрела огромную художественную силу. Аналогичное явление наблюдалось в американской публицистике более позднего периода, это так называемые «разгребатели грязи» (*muckrakers*) начала XX века. Возрождение такой продуктивной тенденции было заметно также в американской литературе начала 1970-х гг. — имеется в виду «литература национальной самокритики», а спустя десятилетие в русской литературе и журналистике времён «перестройки» подобное направление проявилось прежде всего в художественном осмыслении узловых моментов национальной истории.

Каждый из намеченных блоков вопросов требует, несомненно, основательной разработки и в отдельности, и в их исторических взаимосвязях. Претендуя лишь на постановку проблемы, хотел бы обратить внимание на очевидную актуальность исследования типологических схождений в истории двух богатых национальных литератур. В таком исследовании важно уберечься от упрощений, ведь «самое понятие сопоставимости», по мысли Ю. М. Лотмана, раскрывается часто «как диалектическое единство совпадений и несовпадений...» [9, 101–102]. Однако изучение поставленной проблемы поможет прояснить кардинально общие моменты в истории двух мощных культур и приблизить нас к научному пониманию сложного, но неоспоримого единства мирового литературного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. — М., 1989. — 404 с.
2. Герцен А. И. Собр. соч. в 30 томах. Т. 13 / А. И. Герцен. — М., 1960. — 423 с.

3. Hector J., de Crevecoeur S. I. *Letters from an American Farmer* / J. Hector, S. I. Crevecoeur. — New York, 1904. — 294 s.
4. Crevecoeur S. I. *Journey into Northern Pennsylvania and the State of New York* / S. I. Crevecoeur. — Ann Arbor, 1964. — 382 s.
5. Жирмунский В. М.. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад / В. М. Жирмунский. — Л., 1979. — 270 с.
6. Иванов-Разумник Р. В.. История русской общественной мысли. Т. 2. / Р. В. Иванов-Разумник. — СПб., 1911. — С. 322.
7. Kropotkin Prince. *Ideals and Realities in Russian Literature* / Kropotkin Prince. — Westport, Conn., 1970. — 324 с.
8. *Literary History of the United States*. — London; New York, 1974. — 583 с.
9. Лотман Ю. М. Статьи по типологии культуры / Ю. М. Лотман. — Тарту, 1970. — 165с.
10. Martin J. *Harvests of Change. American Literature 1865–1914* / J. Martin. — Englewood Cliffs N. J., 1967. — 329 с.
11. Mirsky D. *A History of Russian Literature from its Beginnings to 1900* / D. Mirsky. — New York, 1958. — 374 с.
12. Митрохин Н. Русская партия. Движение русских националистов в 1961–1985 гг. / Н. Митрохин. — М., 2003; М. Г. Соколянский. О феномене «Юго-Запада» в советской литературе 1920–30-х гг. и его позднейшей рецепции // Семантическая поэтика русской литературы / М. Г. Соколянский. — Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2008. — С. 302–313.
13. Nabokov V. *Lectures on Russian Literature* / V. Nabokov. — New York; London, 1981. — 234.
14. Николоюкин А. Н. «Литературные связи России и США. Становление литературных контактов / А. Н. Николоюкин. — М., 1981. — 262 с.
15. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Литературно-критические работы: в 2-х томах. Т. 1 / Д. Н. Овсяннико-Куликовский. — М., 1989. — 291 с.
16. Patterson M. R. *Authority, Autonomy and Representation in American Literature. 1776–1865* / M. R. Patterson. — Princeton, 1988. — 272 с.
17. Riasanovsky N V. *A History of Russia* / N. V. Riasanovsky. — New York; Oxford, 1984. — P. 393.
18. Tocqueville. *Democracy in America* / Tocqueville. — New York; Oxford, 1947. — 481 s.
19. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. — М., 1977. — 573 с.